Ш 2

Многоуважаемому Сергѣю Устиновичу Соловьеву отъ автора 18

БИБЛИОТЕКА Государ. Историч. Музея № 1-9839 31 VII-193/2

О древнихъ деревянныхъ постройкахъ сѣверныхъ окраинъ Россіи.

В. В. Суслова.

съ 3 таблицами рисунковъ.

До настоящаго времени всѣ труды нашихъ ученыхъ художниковъ по изслѣдованію древняго русскаго зодчества были направлены только на изученіе каменныхъ образцовъ его, изслѣдованіе же деревянной архитектуры если и не совсѣмъ, то замѣтно игнорировали. Академикъ Даль, въ этомъ случаѣ, былъ выдающимся исключеніемъ, положивъ починъ серьезному, спеціальному изслѣдованію деревянныхъ памятниковъ роднаго зодчества, но по смерти его никто не продолжилъ начатаго имъ труда; между тѣмъ изученіе лучшихъ образцовъ весьма важно для насъ не только въ смыслѣ уясненія вліянія деревянной архитектуры на каменную лучшаго періода, но какъ и естественный духовный продуктъ самобытной народной жизни. Въ виду того, что памятники этой вѣтви зодчества съ каждымъ годомъ безслѣдно изчезаютъ — я получилъ предложеніе отъ Императорской Академіи Художествъ осмотрѣть и сдѣлать тщательные обмѣры ихъ и рисунки. Мое вниманіе прежде всего обратилось на Архангельскую и Вологодскую губерніи, какъ на самый лѣсной край, въ которомъ по преимуществу развивалась деревянная архитектура. Въ настоящее время, окончивъ обработку собраннаго мною матеріала по этому предмету, имѣю честь въ краткомъ рефератѣ ознакомить собраніе съ тѣми данными, которыя добылъ я за время моего путешествія. Трудъ мой заключается спеціально въ изслѣдованіи развитія нашего зодчества въ этихъ краяхъ и такъ какъ первымъ импульсомъ этому развитію послужило здѣсь насажденіе христіанства, то и считаю не лишнымъ хотя-бы въ общихъ чертахъ намѣтить исторію распространенія его.

Почти съ достовѣрностью можно сказать, что поселенцы Сухоны (чудь) еще въ княженіе св. Владиміра были подвластны Новгороду, ибо въ лѣтописяхъ упоминается, что жители Печоры платили въ это время дань Новгороду, а такъ какъ на Печору не было другаго пути какъ черезъ Сухону, то и трудно остановиться на томъ, что Новгородъ управлялъ бы краемъ, не подчинивъ себѣ

предварительно чудь бѣлоглазую. Вообще извѣстно, что жители сѣверныхъ окраинъ всегда производили большую торговлю (пушными и др. товарами) съ Новгородомъ и Ростовомъ, слѣдовательно были знакомы съ христіанствомъ, если не въ X то въ XI стол. Такъ въ 1147 г. преподобный Герасимъ, насаждая здѣсь христіанскую вѣру, уже нашелъ въ Вологдѣ церковь Воскресенія Христова. Онъ строитъ здѣсь Троицкій Кайсаровскій монастырь, совершаетъ этимъ постепенно побѣду надъ язычествомъ, и край уже привлекаетъ серьезное вниманіе Новгородцевъ. Они заводятъ здѣсь колонію, «рубятъ города» для защиты отъ непріятелей, посылаютъ священниковъ крестить корелъ, ставятъ церкви, часовни — словомъ край начинаетъ быстро культивироваться и народъ проникается идеями новой религіи; но при этомъ, столкновеніе столь различныхъ элементовъ нравственной жизни христіанъ и язычниковъ порождаетъ полное броженіе умовъ, такъ что въ то время, когда народъ уже началъ жить идеями христіанской религіи, онъ не вполнѣ отрѣшается отъ своихъ дикихъ, языческихъ забавъ. Наконецъ духовная борьба иноковъ — обличителей окончательно сдавила и заглушила всѣ проявленія ~~народной~~ другой жизни: смолкаютъ пѣсни баяновъ, игры, пляски; появляется символика въ связи съ аллегорическимъ олицетвореніемъ событій. Вслѣдствіе такого стремленія къ нравственному совершенству строится множество монастырей, куда приходятъ, начиная отъ простаго селянина до владѣтельнаго князя. Такъ, Глѣбъ Васильевичъ основалъ знаменитый Каменный монастырь, который былъ свѣточемъ духовной жизни не только прибрежныхъ жителей, но и для отдаленнаго сѣверо-востока. Тамъ, въ этой дикой части края появляются монастырскіе иноки, ревностно проповѣдуютъ вѣру Христа, строятъ церкви и часовни, какъ болѣе понятные символы новой религіи. Такимъ образомъ съ развитіемъ христіанской религіозной жизни и всеобщаго уваженія къ инокамъ, особенно во время междоусобицъ и смутъ, въ народѣ порождается стремленіе къ совершенству по образу Христа, желаніе уйти въ монастырь, чтобы покойно углубиться въ духовную жизнь. Такое состояніе народа, безспорно, должно было вызвать массу церковныхъ построекъ и дѣйствительно, въ два столѣтія монгольскаго ига было построено монастырей вдвое больше, чѣмъ въ предъидущія два съ половиною столѣтія. Эта внутренняя потребность народа къ постройкѣ храмовъ и дала прямую возможность развиться строительному дѣлу, особенно въ вѣчевой періодъ, до замѣчательныхъ образцовъ, ~~хотя правда~~ весьма благопріятнымъ обстоятельствомъ въ его развитіи былъ, конечно, свободный доступъ иноземнымъ мастерамъ (изъ Византіи, а потомъ «отъ всѣхъ земель»), которые строили по своимъ планамъ. И въ силу такихъ свободныхъ принциповъ русскаго народа, въ Новгородѣ даже существовала цѣлая улица мастеровъ. При первыхъ-же постройкахъ деревянныхъ храмовъ русскіе мастера скоро присматриваются къ дѣлу своихъ иноземныхъ товарищей, такъ что ~~не въ долгѣ~~ (1194 г.) по городамъ и селамъ

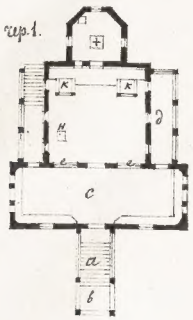
появляются свои зодчіи, которые впослѣдствіи, хотя не шли въ иноземныя артели, гдѣ нужно было пройти степени ученика, подмастерья и затѣмъ мастера, но составили свои собственныя, могущія успѣшно конкурировать съ пришлецами. Тѣ-же подряды, въ которыхъ что либо не могла сдѣлать русская артель одна, она брала вмѣстѣ съ иностранцами. Этимъ путемъ наше искусство продолжаетъ развиваться и въ монгольское иго, хотя казалось-бы, что подъ этимъ гнетомъ оно должно было-бы заглохнуть. Но оказалось, что монголы, въ силу своихъ религіозныхъ воззрѣній, смотрѣли на мастера, какъ на лицо, свыше осѣненное, т. е. причисляли ихъ къ людямъ церковнымъ, относительно которыхъ упоминается даже въ одномъ изъ ярлыковъ хана: «а что будутъ церковные люди, ремесленники или писцы, или каменны здатели, или дровяные или иные мастера, каковы ни буди, а въ наши никто не вступаются и на наше дѣло да не емлютъ ихъ». Отсюда видимъ, что мастера пользовались особой привилегіей, вслѣдствіе чего для нашихъ и иноземныхъ мастеровъ дорога къ дальнѣйшему усовершенствованію была всегда открыта. Разореніе же церквей, поруганіе святыней, при наказаніи монголами князей и областей оправдывается ихъ понятіями о войнѣ, согласно съ законами Чингизъ-Хана и не противорѣчатъ ихъ вѣротерпимости въ мирное время.

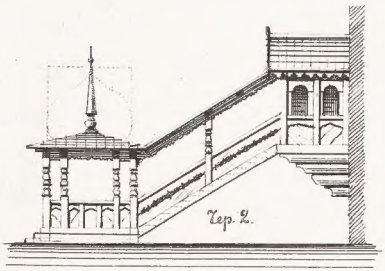
Къ концу XIV вѣка христіанская вѣра устанавливается и проникаетъ въ самую глубь сѣверо-востока. Дмитрій Прилуцкій основываетъ первый общежительскій монастырь; прокладываетъ дорогу въ Комельскій лѣсъ, строитъ келіи и дѣлаетъ эти непроходимыя мѣста новою колыбелью проповѣдниковъ имени Христа. Нѣсколько позже св. Стефанъ вноситъ христіанство въ древнюю Беармію (Пермь) къ зырянамъ, переводитъ на ихъ языкъ церковныя книги и воздвигаетъ первую церковь въ Усть-Вымѣ; далѣе, проходя деревни, непоколебимо проповѣдуя ученіе Христа, ставитъ дорогой кресты, часовни, церкви и въ короткое время обращаетъ въ христіанство язычниковъ на протяженіи до 200 верстъ.

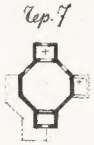
Около половины XV стол. новгородецъ Зосима, достигнувъ острововъ Бѣлаго моря, положилъ начало знаменитому Соловецкому монастырю, снискалъ расположеніе посадницы Марѳы Борецкой и при ея помощи украсилъ острова церквами и часовнями. Послѣ него здѣсь-же появляется новое свѣтило церкви св. Филиппъ; онъ строитъ трапезную церковь, соборъ, мельницу и др. уже каменныя постройки. Кромѣ этихъ иноковъ-строителей, нельзя не замѣтить, что при благоустройствѣ церквей всегда принимали большое участіе сосѣдніе князья и промысловые люди. Такъ, напримѣръ, Вятка, благодаря своей цвѣтущей промышленности, всегда помогала зырянамъ въ постройкѣ церквей; князья же при этомъ охотно уступали обширные участки земли людямъ, бравшимся населить ихъ, и давали имъ при томъ большія льготы. Въ такихъ условіяхъ напр. Строгановы на столько развили свою дѣятельность въ области Камы, что воздви

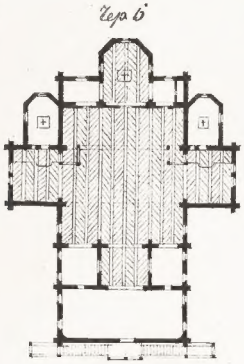
гали цѣлые города: Конкура, Кергеданъ съ крѣпостями, башнями, церквами и пр. Все это вмѣстѣ вызвало большой запросъ на мастеровъ. Рушился вѣчевой строй, политическія силы стянулись къ Москвѣ, мастера разбѣжались по окраинамъ сѣвера и не шли въ Москву, не смотря на то, что она уже неоднократно требовала ихъ, не шли во первыхъ потому, что на сѣверѣ, среди цвѣтущей промышленности, они получали такую цѣну, какую Москва не могла дать имъ, а во вторыхъ, ~~что боялись~~ столкновеній съ московскими мастерами. Эта цвѣтущая пора для нашего плотничнаго искуства, воспитаннаго на родной почвѣ, была послѣдней. Москва не на шутку взялась за мастеровъ; она требовала, чтобы намѣченныя ею артели стали на казенныя работы и при этомъ, для обезпеченія, брала заложниковъ. И вотъ потянулись со всѣхъ сторонъ артели къ Москвѣ съ тѣмъ запасомъ свѣденій по строительной части, которыя выросли вѣками на свободныхъ принципахъ богатаго сѣвера и которыя имъ пришлось примѣнять уже къ каменнымъ постройкамъ. Въ сѣверныхъ же губерніяхъ искусство шло уже традиціоннымъ путемъ и только ~~при восводахъ оно~~ тормозилось) наступившимъ смутнымъ временемъ самозванцевъ, расколомъ и т. п. Хотя эти событія и не оставили замѣтныхъ слѣдовъ на развитіи искусства, но все-таки ~~нѣсколько~~ стѣсняли его. Судя по обстоятельствамъ, при которыхъ развивалось наше строительное дѣло, видимъ, что главное мѣсто въ постройкахъ принадлежитъ церквамъ. Развитію гражданской архитектуры препятствовало правительство, которое всегда увеличивало налоги на владѣльцевъ богатыхъ построекъ и по поводу этого обстоятельства замѣтилъ тогдашній публицистъ Котошихинъ, «кто построитъ хорошій домъ, тотъ непремѣнно разорится». Намѣтивъ такимъ образомъ историческій ходъ распространенія христіанства и народонаселенія въ соединеніи съ развитіемъ зодчества въ этихъ отдаленныхъ отъ центра Россіи мѣстахъ, разсмотримъ болѣе подробно сохранившіеся памятники архитектуры церковной.

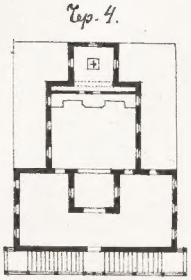
Одинъ изъ самыхъ простыхъ типовъ ~~въ~~ нашей церкви состоитъ изъ прямоугольнаго сруба «клети» маленькаго прируба съ восточной стороны для алтаря и открытой галлерейкой съ западной стороны. Церковь покрывалась двухскатной крышей съ главкой, а галлерейка — односкатной. Болѣе развитой типъ подобныхъ церквей имѣетъ слѣдующее расположеніе: 1) лѣстница ведетъ въ церковь двумя маршами и покрыта двухскатной крышей съ переламываніемъ (церковь въ Шеговарской волости), или лѣстница шла въ одинъ маршъ (а) по направленію продольной оси церкви и была открыта съ боковъ (церковь въ селѣ Ростовскомъ) (Таб. I, чер. 1). Лѣстницы опирались и имѣли площадки; входная площадка b) покрывалась односкатной, двухскатной или четырехскатной крышами или бочками и такой входъ назывался рундукомъ. Верхняя площадка лѣстницы иногда закрывалась съ боковъ досками (черт. 2) съ маленькими окнами (забиралась въ столбы) и покрывалась особой двухскатной

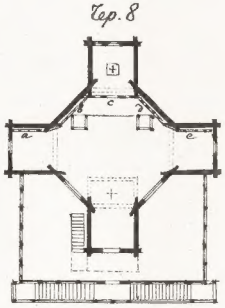


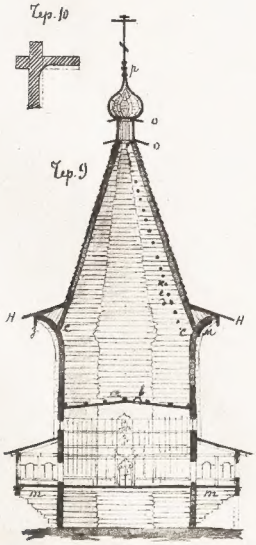


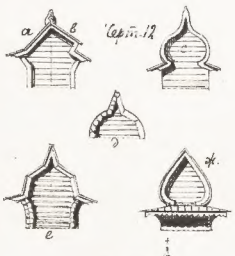


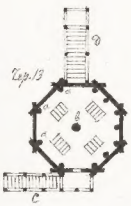


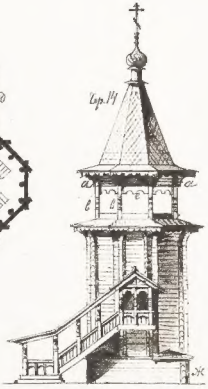


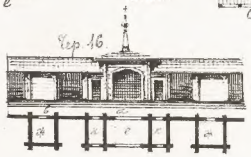












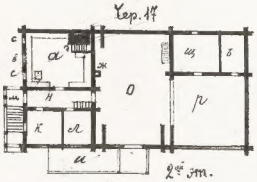


Фото-Гравюра Шерер, Набгольцъ и Кº въ Москвѣ.

крышею, при чемъ такой тамбуръ лежалъ обыкновенно на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ.

По лѣстницѣ входили въ большое помѣщеніе, называемое трапезной (с, чер. 1), въ которомъ потолокъ иногда подпирался столбами, обдѣланными въ видѣ колонокъ *). Вдоль всѣхъ стѣнъ трапезной тянулись опушенныя лавки, а посрединѣ помѣщенія были еще иногда двѣ скамьи. Для образовъ на стѣнахъ были полки и все это помѣщеніе освѣщалось небольшими окнами съ сѣверной и южной сторонъ, причемъ, если съ каждой стороны было по три окна, то въ большинствѣ случаевъ, среднее было большое, а по бокамъ волоковыя, называвшіяся, какъ извѣстно, такъ потому, что онѣ не затворялись, а задвигались, заволакивались. Потолокъ состоялъ изъ матицъ (балокъ), забранныхъ досками прямью или въ косякъ. Изъ трапезной иногда былъ выходъ на особую галлерейку д, съ которой священникъ кропилъ святой водой скотъ, приводимый крестьянами въ день св. Георгія.

Назначеніе же самой трапезной было слѣдующее: во время большихъ, въ особенности престольныхъ, праздниковъ болѣе зажиточные жители дѣлали складчину на пиръ, и народъ, со всѣхъ сторонъ далеко раскинувшагося прихода, являлся сюда на праздникъ, называемый въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, канономъ. Обычай этой «братчины» былъ, какъ извѣстно, распространенъ въ Россіи съ незапамятныхъ временъ, сюда же перешелъ отъ новгородцевъ. О братчинѣ говорятъ наши лѣтописи, о ней поетъ и старая русская пѣсня. — Въ простые праздники, въ промежутокъ между заутреней и обѣдней, пришедшіе изъ далекихъ деревень богомольцы завтракали здѣсь и въ присутствіи священника, какъ болѣе свѣдующаго и духовнаго человѣка, бесѣдовали о дѣлахъ церковныхъ и общественныхъ. Изъ трапезной входили въ квадратное помѣщеніе, служившее мѣстомъ для молитвы. При большомъ стеченіи народа, нѣкоторые могли стоять въ трапезной и черезъ продолговатыя отверстія (с, чер. 1), находившіяся по бокамъ входа, слѣдить за отправленіемъ богослуженія. Отверстія эти (е, с), вышиною въ 10, вер. и отъ 2— $2^1/_2$ арш. длиною, были на высотѣ 2 арш. отъ полу и всегда имѣли рѣшетку или слюдяную узорчатую раму, поднимаемую вверхъ. Потолокъ самой церкви былъ хотя не выше, чѣмъ въ трапезной, но рѣдко достигалъ 6 арш. Въ церкви обыкновенно было два клироса, (к, чер. 1) украшенныхъ узорчатыми досками, на полу же стояла казна (и, чер. 1), т. е сундукъ съ церковными деньгами. Церковь освѣщалась большею частью съ южной стороны, вѣроятно, для того, чтобы дать меньше доступа холоду при сѣверныхъ вѣтрахъ. Солея возвышалась преимущественно на одну ступень или шла въ уровень съ церковнымъ поломъ. Алтарь, нерѣдко о трехъ и больше стѣнахъ, освѣщался однимъ большимъ окномъ и волоковымъ около жертвен-

*) Смотри «Зодчій», 1883 годъ №№ 31, 32, 59, 60 (листы).

пика, или же только двумя волоковыми. Наружный видъ подобныхъ церквей, называемыхъ теплымъ или «клецки», былъ незатѣйливъ, т. е. все строеніе покрывалось двухскатной кровлей и только на самой церкви была одна главка или бочка съ главкой. И такъ, зная основной мотивъ нашихъ деревянныхъ церквей въ этомъ краѣ, мы просмотримъ по памятникамъ постепенное развитіе ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣтимъ нѣкоторыя мѣстныя, характерныя черты. Въ Вельскомъ уѣздѣ мнѣ пришлось видѣть храмы уже описаннаго типа, и разница была только въ наружномъ ихъ устройствѣ т. е. на прямоугольномъ срубѣ поставлены одинъ, два или три осьмиугольныхъ, постепенно уменьшающихся въ діаметрѣ и высотѣ, но послѣдній при этомъ всегда покрытъ куполомъ съ главкою, какъ напримѣръ, въ селѣ Ростовскомъ (чер. 3). Покрытіе это по всѣмъ вѣроятіямъ позднѣйшее, хотя абрисъ купола даетъ впечатлѣніе бочечныхъ формъ съ главками. Фасады этихъ церквей очень часто росписаны въ шахматы. Подъѣзжая къ г. Шенкурску, замѣчается нѣсколько иной типъ церквей, т. е. планъ имѣетъ видъ латинскаго креста (чер. 4), а по фасаду прямоугольный срубъ церкви переходитъ въ высокій осьмерикъ, увѣнчанный восьмиграннымъ шатромъ или конусообразнымъ, закругленнымъ у его основанія. Надъ алтаремъ же дѣлался такой куполъ, какой мы видимъ въ церкви села Ростовскаго. Въ церквахъ этого типа размѣры трапезной уменьшаются какъ напр. въ церкви Шеговорской волости и весь храмъ принимаетъ довольно художественный видъ. Далѣе, церкви принимаютъ большіе размѣры и другія формы, напр. равносторонняго греческаго креста (чер. 5). Затѣмъ, при дальнѣйшемъ развитіи плана подобныхъ церквей, т. е. при увеличеніи размѣровъ, усложненіи формъ и богатства деталей появляются уже такіе образцы нашего зодчества, какъ напр. соборъ въ г. Шенкурскѣ (чер. 6). Приближаясь къ р. Двинѣ, типъ этихъ церквей смѣшивается съ новымъ пріемомъ плана: повсюду замѣчается форма восьмиугольная, которая, какъ видно изъ лѣтописи Устюжской церкви, также весьма древняя. Съ восточной стороны восьмиугольника дѣлаютъ прирубъ для алтаря, а съ западной для паперти (чер. 7), далѣе, пробуютъ дѣлать еще третій прирубъ съ сѣверной стороны, предназначая его для особаго престола, — оставалось затѣмъ сдѣлать и четвертый прирубъ и получался по плану уже совершенно новый типъ креста, господствующій по всей Двинѣ (чер. 8). Какъ весьма интересный памятникъ подобнаго образца приводимъ церковь на рѣкѣ Кокшенгѣ (чер. 8). Иногда въ такихъ церквахъ надъ западнымъ прирубомъ помѣщался особый придѣлъ, лѣстница въ который вела изъ нищевника, т. е. галлереи, окружающей церковь. Рядомъ съ вышеописанными типами церквей попадаются теплыя церкви или какъ выше было сказано «клецки». Устройство ихъ вполнѣ аналогично съ общимъ типомъ, описаннымъ въ началѣ сообщенія и разнилось только по верхушкѣ надъ самою церковью, т. е. поверхъ двухскатной крыши была бочка съ одной главкой или двѣ пересѣкающіяся бочки

съ тремя главками, или же главка находилась на низенькихъ восьмирикахъ. Затѣмъ, встрѣчается еще такой мотивъ въ наружномъ устройствѣ церквей, — мотивъ новгородскихъ и псковскихъ церквей и состоитъ въ покрытіи изъ двухъ пересѣкающихся двухскатныхъ крышъ, вслѣдствіе чего полагается восемь скатовъ (чер. 11, а). Нельзя при этомъ не упомянуть объ общей формѣ церквей на берегахъ Двины, особенность которыхъ состоитъ въ контурѣ, общемъ силуэтѣ, напоминающемъ видъ корабля (чер. 1). Въ періодъ развитія у насъ символики такою формою выражалась народное представленіе о значеніи церкви въ жизни человѣка. Церковь уподоблялась кораблю, который одинъ только можетъ привести черезъ море житейское въ вѣчное пристанище. Въ формѣ этой нельзя не подмѣтить такъ же и практической стороны, такъ какъ, помѣщая церковь на высокихъ подклѣтяхъ, устраняли во время разлива рѣкъ опасность порчи церковныхъ вещей, образовъ и т. п. Описавъ общіе пріемы постройки храмовъ, скажемъ нѣсколько словъ о ихъ деталяхъ.

Галлереи, какъ замѣчено выше, назывались «нищевниками», въ холодныхъ шатровыхъ церквахъ на рѣкѣ Двинѣ. Онѣ помѣщены на высотѣ 3—4 ар. отъ поверхности земли и покоятся на выпускныхъ бревнахъ въ видѣ кронштейновъ (чер. 9, т) на особомъ срубѣ или же просто на столбахъ. Галлерея состояла изъ брусковаго скелета, забраннаго досками «прямью» или «въ косякъ», причемъ дѣлались маленькія отверстія иногда довольно причудливаго очертанія, затворяющіяся съ внутренней стороны особыми затворами. Снизу это отверстіе ограничивалось горизонтальнымъ брускомъ, называемымъ «подлокотникомъ», пространство ниже котораго между стойками разбивалось на двѣ или на три части дощечками, имѣющими видъ вырѣзнаго фронтончика. Съ южной стороны церкви, куда менѣе проникаетъ рѣзкій вѣтеръ, галлерея дѣлалась совсѣмъ открытою и тогда стойки обдѣлывались въ видѣ колоннокъ. (Ц. Влад. Бож. Мат.). Внутри нищевника, около стѣнъ тянулись скамьи для отдыха молящихся. Лѣстницы были такихъ мотивовъ, которые уже мной описаны; прибавлю только, что на Двинѣ онѣ гораздо богаче, съ бочечнымъ покрытіемъ на столбахъ, обдѣланныхъ въ видѣ колоннокъ и «опериливались» двумя досками вдоль, при этомъ швъ между ними разыгрывался въ видѣ орнамента. *Алтари* Вельскаго уѣзда по большей части о пяти стѣнахъ съ куполомъ, какъ въ селѣ Ростовскомъ. Въ Шенкурскомъ уѣздѣ устройство ихъ чаще о трехъ стѣнахъ съ бочечнымъ покрытіемъ и особой главкой, причемъ углы нерѣдко скашивались. При болѣе сложномъ устройствѣ алтарной части, какъ напр. въ Шенкурскомъ соборѣ, ихъ тройственное дѣленіе по фасаду весьма аналогично съ алтарями византійскихъ церквей. *Иконостасы* древняго устройства почти не встрѣчаются; мнѣ пришлось видѣть только одинъ въ церкви Спаса на р. Кокшенгѣ Вологодской губерніи Тотемскаго уѣзда, гдѣ онъ занимаетъ все протяженіе 5-ти стѣнъ церкви (чер. 8, a, b, c, d, e) и состоитъ изъ горизонтальныхъ брус-

ковъ, прибитыхъ къ стѣнѣ на разныхъ высотахъ и образующихъ такимъ образомъ ярусы; въ каждомъ изъ такихъ ярусовъ или рядовъ иконостаса помѣщались образа въ томъ порядкѣ, который принятъ, т. е. въ одномъ мѣстные, затѣмъ, праздничные, потомъ изображенія апостоловъ и праотцевъ. Съ нижняго бруска спускалась матерія, а остальные бруски «опушались» досками, имѣющими непрерывный раскрашенный орнаментъ довольно типичнаго рисунка. На эти бруски въ видѣ полокъ и ставились образа, одинъ къ другому безъ вертикальныхъ брусчатыхъ подраздѣленій между собою. Потолки, когда нужно было покрыть большое пространство, дѣлались въ видѣ фронтона (чер. 9) для того, чтобы доски между балками *a*, дѣлая распоръ, значительно уменьшали прогибъ самыхъ балокъ. Для достиженія резонанса въ церкви дѣлали круглыя отверстія въ потолкѣ и накрывали ихъ большими глиняными горшками (чер. 9, *b*). Рубка стѣнъ производилась въ «шапъ» (какъ у насъ въ «лапу»), причемъ внутреннія церковныя стѣны обтесывались плоскостями, «выскабливались въ ласъ», а въ углахъ закруглялись (чер. 10). Рубка «въ лапу» производилась большею частью въ верхнихъ восьмерикахъ и въ галлерейкахъ. Срубы церкви обыкновенно дѣлали въ сосѣднемъ лѣсу и ставили на заранѣе освященномъ мѣстѣ прямо на «пошвѣ» безъ фундамента, вслѣдствіе чего часто происходила неравномѣрная осадка, и церкви искривлялись. Устройство шатровъ представляло ту особенность, что всѣ они бревенчатые, «рубленые», чѣмъ и освобождались отъ всякой стропильной системы. Шатеръ иногда доходилъ до 30 арш. вышины и свое начало бралъ изъ первыхъ вѣнцовъ откоса главнаго карниза (чер. 9, *c*), который дѣлался также рубленый и этотъ откосъ его доходилъ до 3½ арш. Параллельно одной изъ плоскостей шатра, внутри шли, вродѣ ступеней тонкіе кругляки (*d*, *e*, *k*) (режи), по которымъ можно было проникнуть до самаго креста церкви. Поверхность шатра, шейка и главка покрывались "чешуйчатымъ обиваніемъ (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оно называлось «лемихъ»), откосы же карнизовъ" обшивались тесинами съ обломами; точно также крылись и основанія шеекъ и главокъ (чер. 9, *n*, *o*) въ видѣ зонтика (эти украшенія замѣтны и въ путевыхъ рисункахъ Олеарія). Вогнутая поверхность карниза иногда обшивалась досками (чер. 9 *m*) съ раскрашенными орнаментами, надписями и верхній вѣнецъ его ~~надъ~~ подъ обломами закрывался доской «карниста» (чер. 9, *s*) съ вырѣзками различнаго рисунка. Кресты, увѣнчивающіе церковь, имѣли въ основаніи обвязку, какая встрѣчается въ грузинскихъ церквахъ (чер. 9, *r*) и верхній конецъ ~~ея~~ креста едва возвышался надъ вторымъ горизонтальнымъ брускомъ. Мы уже упомянули, что шатровыя церкви, имѣя шатеръ иногда вышиною 30 арш., внутри доходили всего до 10 арш. высоты (Ц. Влад. Бож. Мат.), такъ что вся внутренность шатра и почти половина высоты церкви оставались совершенно непроизводительными (чер. 9). Эта странность объясняется отчасти тѣмъ взглядомъ народа, который представленіе о

ИЗБА
Вологодской г-и Кадниковскаго у.
въ селѣ Воскресенскомъ

Церковь Св. Троицы
Архангельской губернiи, Шенкурскаго уѣзда, въ Шеговарской волости постр. въ 1666 г.

В. Сусловъ. 1884 г.

Фото-Гравюра Шереръ, Набгольцъ и Ко въ Москвѣ

церкви соединяетъ съ чѣмъ-то грандіознымъ по внѣшности и скромнымъ по внутреннему убранству. Къ этому надо прибавить еще крайнее несовершенство печей, особенно въ курныхъ церквахъ, заставившее уменьшить нагрѣваемое пространство. При Алексѣѣ Михайловичѣ постройка подобныхъ шатровыхъ церквей хотя была запрещена, но народъ не могъ такъ скоро отрѣшиться отъ излюбленнаго мотива и дѣлаетъ въ каменныхъ церквахъ, устроенныхъ также на подклѣтяхъ и съ галлерейкой, шатеръ открытымъ, предназначая его для колокольни.

Верхняя часть сруба и весь шатеръ, не занятыя въ деревянныхъ церквахъ особымъ придѣломъ, вѣроятно, по ненадежности пола, — въ каменныхъ церквахъ, при сводчатомъ покрытіи, какъ нельзя болѣе удачно были утилизированы колокольней, причемъ детальная обработка ея въ соединеніи съ оставшеюся формою шатра сохранили и общій прежній видъ храма и придали еще большій художественный ансамбль. Какъ весьма подходящій образчикъ такой постройки, можно указать на церковь Рожд. Богород. въ г. Ярославлѣ. Бочечное покрытіе «прирубовъ церкви» дѣлалось какъ и шатровое изъ бревенъ и также «кожушилось» (покрывалось) гонтомъ въ чешую. Изъ разныхъ мотивовъ бочечныхъ формъ можно предположить, что самая простая изъ нихъ — «покрытіе съ переламываніемъ» (чер. 12, а) постепенно развивалась при увеличеніи числа переламываній (чер. 12, в, с) и дошла до закругленныхъ формъ (черт. 12, д, е, ж) и, можно думать, что зарожденіе и развитіе этой формы было въ деревянной архитектурѣ. Обдѣлка церковныхъ дверей особенно трапезной въ церкви была иногда весьма богата, причемъ колонки и всѣ украшенія портала вырѣзывались въ самой колодѣ, которая въ верху дѣлалась фронтономъ и богато расписывалась. Окно по преимуществу состояло просто изъ колоды, причемъ верхній брусъ ея какъ-бы схватывалъ двѣ вертикальныя части и имѣлъ на концахъ вырѣзныя формы въ родѣ карниза. Сверху колода имѣла крышечку, — ребро которой было орнаментировано. Въ нѣкоторыхъ окнахъ верхняя часть колоды дѣлалась фронтономъ и внутренняя линія его, постепенно усложняясь, дошла до вычурнаго очертанія. Такимъ образомъ изощряясь въ украшеніи оконъ, мастера наши даютъ такія прекрасныя формы окнамъ, (окно въ церкви села Черевкова Сал[о]вычегодскаго уѣзда), что украшенія ихъ почти цѣликомъ переходятъ въ каменную архитектуру XVII столѣтія. Тоже самое можно сказать о порталахъ. Указавъ на нѣкоторыя характерныя черты устройства самыхъ церквей, не лишнимъ будетъ сказать и о другихъ церковныхъ постройкахъ.

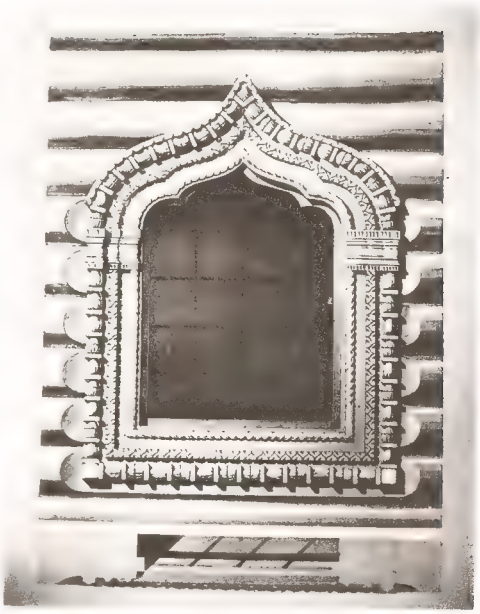
1) *Колокольни*, какъ извѣстно, появляются въ Россіи довольно поздно. У насъ, какъ и въ греческихъ церквахъ, въ первые вѣка христіанства народъ призывался въ церковь ударами въ деревянное или желѣзное «било» (какъ видно изъ путешествія Олеарія). Это «било» въ множествѣ продержалось въ нашихъ церквахъ до

XV вѣка. Колокола, хотя и упоминаются въ XI вѣкѣ, но замѣтно не были распространены въ XIV вѣкѣ и даже въ XV вѣкѣ часто замѣнялись желѣзнымъ «клепаломъ», имѣющимъ видъ полаго полушара съ металлическимъ языкомъ внутри. Самый древній видъ колоколенъ — это, такъ называемыя «звонницы» (въ Псковѣ и Новгородѣ), имѣющія видъ небольшой стѣны съ однимъ или двумя пролетами, куда и вѣшались колокола. Какъ болѣе развитой пріемъ звонницъ состоитъ изъ продолговатаго 4-хъ-стѣннаго помѣщенія, верхняя часть котораго трактовалась рядомъ сквозныхъ арочекъ, гдѣ и помѣщались колокола. Въ путешествіи Олеарія замѣчаемъ, что колокола висѣли иногда просто на перекладинѣ, одинъ конецъ которой лежалъ на подоконникѣ церкви, а другой на деревянной стойкѣ, или же эта перекладина положена концами на два большихъ столба съ раскосами и все это обдѣлано иногда вродѣ воротъ. Судя по сохранившимся древнимъ каменнымъ колокольнямъ, надо предположить, что онѣ появляются въ самомъ концѣ XVI стол, и то какъ бы въ переходномъ состояніи отъ вытянутой формы къ квадратной, напр. колокольня Дудина монастыря въ Нижегородской губерніи (1600 г.), Дмитрія Солунскаго въ Москвѣ. Вполнѣ развитой типъ русскихъ колоколенъ встрѣчается только въ концѣ XVII стол. Относительно же деревянныхъ колоколенъ можно безошибочно сказать, что типъ ихъ былъ вполнѣ опредѣленъ если не въ XV стол. то во всякомъ случаѣ въ XVI ст., ибо, судя по лѣтописи Вологодскаго собора, въ которой упоминается о сдачи подряда въ 1621 г. «рубить колокольню о 8 стѣнахъ» видно, что мастера наши уже производили подобныя работы раньше, тѣмъ болѣе, что восьмистѣнные срубы при постройкѣ церквей уже пріобрѣли давно художественную форму и передали ее каменной архитектурѣ. Колокольни съ квадратнымъ основаніемъ, какъ болѣе простой пріемъ постройки, существовали несомнѣнно еще раньше. Деревянныя колокольницы», какъ называются онѣ въ лѣтописяхъ, разбросаны въ большомъ количествѣ по всему сѣверному краю, хотя въ Вельскомъ уѣздѣ ихъ не сохранилось. Всѣ колокольни стоятъ отдѣльно отъ церкви, большею частью на юго-восточной и сѣверо-западной сторонѣ. Колокольня состояла изъ высокаго квадратнаго или восьмиугольнаго сруба, причемъ послѣдній иногда раздѣлялся карнизиками на нѣсколько ярусовъ и ставился на особый квадратный срубъ (чер. 14, ж). Этимъ срубомъ обыкновенно какъ бы одѣвался скелетъ колокольни, который состоялъ изъ 4, 8, 16 вертикальныхъ или наклонныхъ къ центру, толстыхъ бревенчатыхъ стоекъ (чер. 13, а) и самый срубъ тогда былъ въ видѣ усѣченной пирамиды, возвышавшейся надъ срубомъ аршина на 2 или на 3. На верхнихъ концахъ стоекъ покоился рубленный съ пропусками карнизъ (чер. 14, а), состоящій изъ круглыхъ или отесанныхъ съ 4-хъ сторонъ бревенъ. Обнаруженная часть стоекъ, соприкасающихся съ срубомъ, всегда обдѣлывалась въ видѣ колонокъ (в), между ними въ верхней части пролета вставлялись особыя доски (арочки) (е),

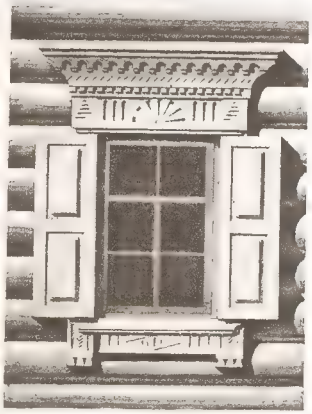
имѣющія видъ украшенія и вмѣстѣ съ тѣмъ служили связкою скелета колокольни. Вертикальная ось этого строенія составляла толстое бревно 14 верш. (чер. 13, в), идущее во всю высоту колокольни; верхняя часть его заканчивалась крестомъ. Покрытіе колоколенъ въ большинствѣ случаевъ одношатровое, въ рѣдкихъ случаяхъ пятишатровое, (цер. на Ракульскомъ погостѣ), причемъ средній шатеръ восьмигранный, а остальные четырехгранные. Шатеръ, шейка и главка колокольни всегда покрывались гонтомъ «въ чешую». Лѣстница на колокольню помѣщалась вся внутри или-же нижняя часть ея находилась снаружи (чер. 14) и имѣла одинъ или два рундука. Наружняя часть лѣстницы располагалась параллельно входной стѣнѣ (чер. 13, с) или перпендикулярно къ ней. (Чер. 13, d). 2) *Ворота.* Обыкновенно въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ церкви ставили ворота и каждый, проходящій въ церковь, считалъ долгомъ помолиться иконамъ, въ нихъ находящимся, и тѣмъ приготовиться съ большимъ благоговѣніемъ войти въ самый храмъ. Такъ ворота состояли изъ двухъ кресчатыхъ въ планѣ срубинъ (чер. 15), покрытыхъ двухскатной крышей, увѣнчанной главкой; въ пролетъ воротъ подъ крышей дѣлалась полка для образовъ (а), фронтоны убирались орнаментами, а главка крылась «чешуйчатымъ обиваніемъ. 3) *Ограды.* Всѣ церковныя строенія (колокольни, теплыя и холодныя церкви) обносились иногда оградами (чер. 16), внѣшняя сторона (а) которыхъ представляла собой прямыя стѣны, высотою до 4 арш. съ маленькими отверстіями (в) вродѣ оконъ; эти отверстія выходили въ особые четырехугольные срубы (ж), служившіе контрафорсами стѣны и въ то же время мѣстомъ продажи всевозможныхъ товаровъ въ праздничные дни. Вся ограда въ ширину срубовъ покрывалась двухскатной крышей и имѣла двое воротъ, отличавшихся отъ ограды болѣе богатымъ устройствомъ. Ворота эти были въ двухъ противуположныхъ частяхъ ограды и состояли изъ проѣзда (е) и двухъ проходовъ (к, к). — Перейдемъ теперь къ описанію построекъ для жилья. Начну съ сельскихъ избъ, такъ какъ другихъ болѣе значительныхъ древнихъ зданій, за исключеніемъ домика Петра въ Архангельскѣ, мнѣ не пришлось видѣть. Общій типъ избъ, ихъ конструкція и даже строительные термины, употреблявшіеся при ихъ возведеніи и сохранившіеся понынѣ, — все это вмѣстѣ можетъ характеризировать намъ не только образъ селитьбы, но даже вообще весь складъ народа. Изъ болѣе интересныхъ и древнихъ избъ мною приведена изба Кадниковскаго уѣзда, который славится убранствомъ своихъ жилищъ. Все помѣщеніе состояло изъ двухъ этажей и первый изъ нихъ (чер. 17) ставился «на пошвѣ», т. е. прямо на землѣ или на столбахъ. Изба (чер. 17, а) эта срублена на «подзавалы», съ однимъ «краснымъ» (b) (узорчатымъ) окномъ и по бокамъ двумя волоковыми (с). Все помѣщеніе нагрѣвается глиняной битой печкой, устроенной слѣдующимъ образомъ: на клѣтку, состоящую изъ четырехъ брусковъ, настилали доски — плахи, такія же доски ставили и по бокамъ (съ 4-хъ сторонъ), затѣмъ на нижнія плахи

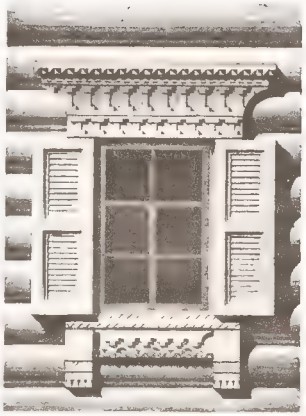
насыпали небольшой слой песку. Въ средину образовавшагося ящика клали половинку толстаго бревна (боровъ), которое и давало объемъ внутренности печи; по борову и бокамъ клали глину и утрамбовывали ее, отчего и самая печь получила названіе «битой». По изготовленіи такой печи и по просушкѣ ея боровъ вынимался. Чтобы пламя во время топки не направлялось въ потолокъ, надъ отверстіемъ печи (хайломъ) придѣлывался «кажухъ», имѣющій видъ четверти сферической поверхности, полая часть которой обращена внизъ; иногда такой «кажухъ» замѣнялся горизонтальной плитой. Около хайла находилась печурка, въ которой разжигали уголь во время большихъ холодовъ. Къ печкѣ обыкновенно примыкала лѣсенка (чер. 17, д) для схода въ «голубецъ» (кладовая для провизіи), отдѣленная легкой, невысокой перегородкой, не доходившей до потолка. Полъ мостили «на кладяхъ» (прогонахъ) половыми досками «въ причертъ съ вытесомъ «т. е. одна доска находила на другую, черезъ посредство вынутыхъ въ краяхъ четвертей.

Потолокъ состоялъ изъ «мѫтицъ» (балокъ), на которыя накатывали круглякъ или клали плахи. Около печки во внутренней стѣнѣ, на высотѣ 2-хъ арш. отъ пола было отверстіе въ деревянную трубу — дымницу или дымникъ, въ который и вытягивался скопившійся въ избѣ дымъ. Въ стѣны вдѣлывались 2 или 3 шеста для устройства колыбелей и хозяйственныхъ приспособленій. Затѣмъ, вдоль стѣнъ устраивались лавки, а на высотѣ $2^1/_2$ арш. полати. Подъ избой находилось подполье (подклѣть или, какъ значится въ древнихъ лѣтописахъ, порубь), служившее иногда жильемъ. Часть подполья отводилось для кладовой (голубецъ), а остальное пространство, освѣщаемое просвѣтцами вродѣ волоковыхъ окопъ, назначалось для куръ, гусей и т. п. Клѣть (чер. 17, к) или горница, называемая иногда «боковушей» освѣщалась краснымъ окномъ и имѣла маленькое отдѣленьице для домашняго скарба (л). Помѣщеніе подъ горницей (подклѣть) раздѣлялось на стойку (для мелкаго скота) и кладовую (мшаникъ). Пространство между избой и клѣтью, забранное въ столбы, носило названіе сѣней (чер. 17 ѣ,) въ нихъ находилась полка для образовъ и лѣсенка на вышку «въ теремъ», устроенный въ фронтонѣ. Изъ сѣней выходили на крыльцо (м), всегда украшенное рѣзьбою и затѣмъ спускались на улицу. Подъ сѣнями было «подсѣнье», въ которомъ съ одной стороны были ворота на улицу, а съ другихъ — двери въ стайки и въ другой подсѣнникъ или большія стаи. Остальная часть строенія, называемая дворищемъ и неимѣющая потолка, состояла изъ слѣдующихъ помѣщеній: (чер. 17, о) сѣнникъ, т. е. помѣщеніе безъ потолка, гдѣ находились сѣни, телѣги, сбруи и другія хозяйственныя принадлежности. Изъ него вела лѣсенка въ подсѣнникъ, гдѣ обыкновенно стояли лошади. Рядомъ съ большимъ сѣнникомъ былъ другой, малый сѣнникъ (р), часть котораго «задцы» или «придѣльцы» (щ, ъ) предназначалась для необходимыхъ предметовъ домашняго обихода. Въ сѣнникѣ (р) хранился кормъ для скота, въ



Церковное окно XVII в Волог. губ., Сольвычегод. у. въ с. Черевковѣ.





Окна избъ Вологодской губ., Кадников. у., с. Воробьевскаго.

Фото Гравюра Шерер, Набгольцъ и К° въ Москвѣ

лѣтнее же время въ немъ спали. Съ улицы въ него велъ поднимающійся «взъѣздъ» (чер. 17, а) изъ сплошныхъ кругляковъ или изъ обтесанныхъ бревенъ. Подъ придѣльцами и малымъ сѣнникомъ были коровники и маленькія стайки. Все это строеніе, кромѣ «взъѣзда» и наружной лѣстницы, имѣющихъ особыя крыши, покрывалось двухскатной крышей съ фронтонами, или, какъ въ разсматриваемой нами избѣ, — крышей на три ската, причемъ съ главнаго фасада такая покрышка называлась «палаткой». Конструкція покрытія избъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей (чер. 18): быковъ (строительныхъ ногъ) (а), которые ставились обыкновенно на приготовленномъ срубѣ и врубались нижними концами въ «подкуретники» (послѣдній вѣнецъ строенія) (б), а верхними какъ бы схватывали князевую слегу (в) (подконьковый брусъ). На быки горизонтально наколачивались «лотоки» (с) (обрѣшетники), затѣмъ къ лотокамъ приколачивалась «курица» (д), поддерживающая въ свою очередь водотечникъ (н). Остовъ крыши покрывался «подскальникомъ» (тесомъ), называемымъ такъ потому, что его иногда, въ избѣжаніе течи, обкладывали берестою (скалою); поверхъ скалы набивался второй рядъ теса съ обломами. На ребро крыши налегало толстое бревно (м) (охлупень), конецъ котораго въ церковныхъ постройкахъ закрывался прорѣзной доскою съ крестомъ, въ избахъ же онъ обрабатывался чрезвычайно богато и разнообразно. То же богатство обдѣлки корневыхъ концовъ замѣчается въ «курицѣ» и водотечникѣ (н, д). Для того, чтобы одежду крыши не сѣкло вѣтромъ, клали бревна или «гнеты» (ч), концы которыхъ схватывались толстою доской «огнивомъ» (о), всегда съ обрѣзнымъ контуромъ. На бруски (ф) (слега или подтечина), выходящіе изъ-за фронтона, набивалась причелина (к) и вѣтрешица, или же эти своими корнями поддерживали маленькіе гнеты (л). Въ серединѣ фронтона выходилъ рядъ выпускныхъ бревенъ (п) въ видѣ кронштейновъ, называемыхъ, «повалами» которые поддерживали балконъ. Бревна фронтона назывались «самцы» (р). Разсмотрѣвъ всѣ характерныя особенности церковныхъ и отчасти гражданскихъ построекъ сѣвера, видимъ, что въ этомъ краѣ — «лѣсной землѣ», какъ называли его южные князья, главнымъ строительнымъ матерьяломъ было дерево, что и объясняется обиліемъ лѣса и удобствомъ доставки. Быстрое освоеніе мастеровъ съ обработкой его и объясняетъ намъ ту скорость, съ которой воздвигались въ старину храмы, такъ что нерѣдко большая обыденная церковь рубилась и наряжалась въ одинъ день. Кромѣ того кирпичное производство, не только здѣсь, но вообще въ Россіи, до Аристотеля Фіоравентія было въ самомъ младенческомъ состояніи и даже послѣ него, до прихода голландскихъ мастеровъ, оно опять какъ бы пріостановилась, вѣроятно потому, что народъ не могъ скоро отстать отъ укоренившейся привычки къ деревяннымъ постройкамъ. Нельзя не замѣтить, что даже въ XVII стол. наши князья не особенно жаловали каменныя постройки и больше любили жить въ деревянныхъ хоромахъ.

Такое предпочтеніе, конечно, дало возможность, особенно въ лѣсныхъ губерніяхъ, развить плотничное искусство отъ самыхъ первобытныхъ его пріемовъ до созданія художественныхъ произведеній и, судя по памятникамъ, деревянная архитектура не брала себѣ чуждыхъ ей формъ, какъ случалось это въ каменныхъ постройкахъ: оставаясь всегда вѣрной самой себѣ, она шла впередъ на своихъ началахъ, своими народными силами. Прекрасно освоившись со своимъ дѣломъ, наши мастера давали полный просторъ своему воображенію: соборъ въ Новгородѣ (XII ст.) былъ построенъ о «тринадцати верхахъ», церковь Успенія Бож. Мат. въ г. Устюгѣ — о «двадцати стѣнахъ»; кромѣ того лѣтописи упоминаютъ объ огромныхъ городскихъ стѣнахъ, башняхъ, хоромахъ и различныхъ общественныхъ зданіяхъ. Рѣзное дѣло также въ силу тѣхъ же условій дошло до прекрасныхъ образцовъ, (окно въ Черевковской церкви): лѣтницы и въ особенности царскія двери въ церкви на р. Ишнѣ.

Въ наружныхъ и вообще въ болѣе крупныхъ украшеніяхъ мы видимъ по преимуществу всевозможныя сочетанія простыхъ геометрическихъ формъ (зубчиковъ, желобковъ, городковъ, кругляковъ и т. п.), иногда довольно сложнаго орнамента (другіе мотивы украшеній часто заимствованы изъ иконописи). Подобная рѣзьба всегда удавалась русскому мастеру. «Нѣмецкая же фигурная рѣзьба» стиля возрожденія, занесеннаго къ намъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, здѣсь почти не привилась, за исключеніемъ развѣ большихъ городовъ, такъ какъ наши плотничные старосты во первыхъ не умѣли хорошо «знаменить» (рисовать), а во вторыхъ, не понимали этого стиля, а если и дѣлали, то рабски копировали съ печатныхъ листовъ. Такой ходъ народнаго мастерства, развившагося собственными силами, привелъ къ созданію дошедшихъ до насъ весьма самобытныхъ и нерѣдко изящныхъ образцовъ русскаго зодчества. Искусство, какъ одна изъ важныхъ формъ народной жизни, служитъ намъ къ уясненію народнаго быта, нравовъ, обычаевъ и вообще всего того, что пережилъ русскій человѣкъ.

Если въ настоящее время среди нашего общества явилось сознаніе необходимости продолжать родное искусство, то разностороннее изученіе его зарожденія, его жизни въ связи съ жизнью народа укажетъ намъ его законы и опредѣлитъ болѣе твердую почву для правильнаго возрожденія его. Изученіе это уже пошло большими шагами, и только къ сожалѣнію Двина и Поморье у насъ еще мало изслѣдованы; между тѣмъ, по выраженію нашего извѣстнаго археографа Строева, «въ этой классической сторонѣ русскаго народа» лежатъ еще нетронутыми огромные матеріалы для полнаго изученія историческаго уклада народной жизни. Наконецъ изученіе здѣсь древняго деревяннаго зодчества, въ смыслѣ уясненія его вліянія на каменное, укажетъ намъ еще болѣе вѣрный путь къ пониманію сохранившихся образцовъ и тѣмъ заставитъ

для возрожденія внести изъ старины формы, наиболѣе подходящія къ духу народа, преданіямъ и вообще всей жизни его. Откладывать даже не на долго изслѣдованіе памятниковъ этой глухой и далекой стороны нельзя: время, — неумолимый сокрушитель, виситъ Дамокловымъ мечемъ надъ нѣмыми свидѣтелями глубокой старины, и близокъ уже часъ, когда безслѣдно исчезнутъ они съ лица земли-русской.

В. Сусловъ.